

Въ ту пору, какъ видимъ, „передовые люди“ сами находились въ большомъ недоумѣннн относительно своего языка, и къ сожалѣнню надо сказать, что правильной оцѣнкѣ дѣла съ ихъ стороны помѣшало ихъ старое, полу-семинарское, полу-польское образованіе и обычаи; они вынесли отсюда какое-то странное высокомеріе и презрѣніе къ тому же народу, который сами намѣревались „взносить“ и развивать ²⁾).

Разладъ двухъ партій усилился съ шестидесятихъ годовъ. Оживленіе (хотя и кратковременное) малорусской литературы въ Россіи около 1860 года, сообщилося и въ Галицію: галицкая молодежь увидѣла здѣсь нѣчто болѣе живое, съ интересомъ читала украинофильскія изданія и настаивала, что и у нихъ дѣло должно быть поставлено такъ же. Русское украинофильство указывало, какъ слѣдовало заботиться со народномъ образованіи, давало образчики популярныя книгъ на народномъ языкѣ. Старое поколѣніе, которому вообще не правилась такая литература на языкѣ „черни“, стала въ прямо враждебное отношеніе къ „народовцамъ“; позднѣе она не преминула воспользоваться

народа и объ охранѣ его свободы написать такими «русинскими» языкомъ, которымъ никогда не говорилъ и гдѣ только польскія слова были переписаны русскими буквами. Русская Рада писала:

«Чувствомъ народности напоени, и въ томъ намѣреніи собралисьмы, мы Русини, котрымъ добро и щастье народу на сердцахъ, и будемъ дѣлати въ способъ наступающей:

а) Первымъ заданьемъ нашимъ буде заховати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права перкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ обрядковъ.

б) Розвивати и взносити народность нашу во всѣхъ ея частяхъ: выдосконаленьемъ языка нашого, запровадженнямъ его въ школахъ низшихъ и вышнихъ, выдаваньемъ писемъ часовыхъ, упримованьемъ корреспонденцій съ письменными такъ нашими, якъ иними до шену славянського належачими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языкѣ рускомъ, и усиленнымъ стараньемъ впровадити и на ровни поставити языкъ нашъ зъ иними въ урядкахъ публичныхъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потреби народу нашого и поправленя быту нашого на дорожѣ конституційной шукати, а права наши одъ всякой напасті и оскорбленя *стале* и сильно хоронити.

О томъ-то всемъ вась, брата Русини, свидомыхъ чинимъ, и упоминаемъ, абыстакъ, якъ доси, незломную вѣру заховали нашому найясгѣйшему цесареві и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ переконанно, що подъ можнымъ заступленьемъ Австрій права наши и народность наша укрѣпитися и силы свои розвинуті можуть». (Основа, 1862, стр. 45).

1) Вотъ чрезвычайно характерныя слова Дениса Зубрицкаго, рисующія это пренебреженіе къ „черни“:

«Есть мрачные *изступленники*, — говоритъ Зубрицкій, — или скорѣе низкіе невѣжды (?), въ лѣтѣ доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственного языка (?), употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору собственныхъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчій *галицкой черни*. Странное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри...» — которыхъ, впрочемъ, старо-русская партія тоже не желала видѣть на народномъ языкѣ. (Исторія древняго гал. княж. II, 47, пр. 13).

Дальше упоминаемъ, что самъ Зубрицкій въ прежнее время не владѣлъ «наукой собственного языка» и писалъ свои сочиненія по-польски и по-гѣмекци.